

УДК 82.0

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-213-220

Роман «Одна ночь с Чеховым» Виктории Макри: интертекстуальный диалог с автором «Трех сестер»

Панагиотис Органтзис

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, panosorg96@hotmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается, как интерпретируется и трансформируется текст пьесы А.П. Чехова «Три сестры» в романе греческой писательницы Виктории Макри «Одна ночь с Чеховым» (2015). На примере романа Виктории Макри показано, как чеховский текст, взаимодействуя с современным нарративом в новом культурном и временном контексте, становится инструментом рефлексии о вечных экзистенциальных проблемах – идеале, счастье, любви, идентичности. Автор статьи опирается на исследования М.М. Бахтина, Ю. Кристевой и Ю.М. Лотмана в области интертекстуальности и диалога культур.

Ключевые слова: интертекстуальность, диалог культур, Виктория Макри, А.П. Чехов, «Три сестры», греческая литература

Для цитирования: Органтзис П. Роман «Одна ночь с Чеховым» Виктории Макри: интертекстуальный диалог с автором «Трех сестер» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 11. Часть 1. С. 213–220. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-213-220

The novel “One Night with Chekhov” by Victoria Makri. An intertextual dialogue with the author of “Three Sisters”

Panagiotis Organtzis

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, panosorg96@hotmail.com*

Abstract. The article considers how the text of Chekhov’s play “Three Sisters” is interpreted and transformed in the novel “One Night with Chekhov” (2015) by Greek writer Victoria Makri. Through an analysis of Victoria Makri’s novel, the study demonstrates how Chekhov’s text, when interacting with contemporary narrative in a new cultural and temporal context, becomes a tool for reflecting on timeless existential issues – ideals, happiness, love, and

© Органтзис П., 2025

identity. The author draws on the researches of M.M. Bakhtin, J. Kristeva, and Y.M. Lotman in the fields of intertextuality and cultural dialogue.

Keywords: intertextuality, dialogue of cultures, Victoria Makri, Anton Chekhov, Three Sisters, Greek literature

For citation: Organtzis, P. (2025), "The novel 'One Night with Chekhov' by Victoria Makri. An intertextual dialogue with the author of 'Three Sisters' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 11, part 1, pp. 213–220, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-213-220

Лауреат Нобелевской премии по литературе 1963 г., греческий поэт Йоргос Сеферис, однажды написал «Не было бы Кавафиса или Соломоса, если бы не существовали Гомер, Библия или Шекспир. Однако и Гомер, и Библия, и Шекспир становятся для нас иными с того момента, как появились Соломос и Кавафис»¹. По сути, он описал то, что теоретик постструктурализма Юлия Кристева, отталкиваясь от работы М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» [Бахтин 1986], обобщила термином «интертекстуальность» в работе «Бахтин, слово, диалог, роман» [Кристева 1993].

Введение этого термина значительно изменило традиционный подход к изучению текстов. В литературоведении термин связан с изучением «проблем заимствований, литературных влияний, подражания и пародирования» [Застела 2009]. Сегодня, ни один текст не считается изолированным и самодостаточным. Напротив, в любом тексте присутствуют осознанные или неосознанные отсылки к другим предшествующим текстам. Они, подобно живым организмам, будто взаимодействуют между собой, обитая вне пространства и времени. Как писал М. Бахтин, «нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения. Проблема большого времени» [Бахтин 1986, с. 381–393, 429–432].

Понятие «интертекст» связано с возможностью обнаружить различные текстовые элементы в более чем одном произведении. Как отмечает Н.А. Николина, «...интертекстуальность связывает произведение, как с предшествующей, так и с современной ему культурой, тем самым оно включается в бесконечный диалог с другими текстами» [Николина 1994, с. 103].

Виктория Макри (Викτόρια Μακρή) – современная греческая писательница, автор стихотворений, которые были положены на

¹ *Seferis G. Dokimes.* Athens: Ikaros Publications, 1974. P. 120. Пер. с греч. П. Органтзис.

музыку известными греческими композиторами, а также романов и рассказов, отмеченных наградами на многих литературных конкурсах, опубликовала в 2015 г. психоаналитический роман под названием «Одна ночь с Чеховым», в котором используется метод интертекстуальности. В основе романа лежит история трех сестер. В Тоскане три маленькие греческие девочки впервые знакомятся с пьесой Чехова «Три сестры». Они настолько ценят произведение, что начинают учить итальянский язык на основе диалогов пьесы². Девочки выбирают роли, исходя из общих черт характера, которые каждая из них находит в героинях пьесы. Старшая сестра Анна выбирает диалоги Ольги. Ее сестра Велго отдает предпочтение Маше. Маргиота находит в себе черты Ирины.

Автор обращается к персонажам пьесы А.П. Чехова «Три сестры» и переосмысливает их в новом художественном контексте. Чеховские героини – Ольга, Маша и Ирина, – сохраняя ключевые черты характера, но под новыми именами – Велго, Анна и Маргиота – переносятся в Грецию и Италию середины – конца XX в., что придает произведению дополнительную глубину и культурный резонанс. Роман насыщен двумя интертекстуальными элементами – цитатами и аллюзиями.

Греческая писательница в интервью признавалась, что взяла героинь Чехова как образец и переработала материал пьесы для создания новых персонажей и сюжета³. Она как бы накладывает свой текст на прецедентный текст пьесы Чехова. Аллюзии на чеховских персонажей очевидны: Велго – умная, романтическая, но в то же время практичная женщина. Она выходит замуж по расчету за гораздо более старшего и состоятельного землевладельца, не испытывая к нему любви. Спустя несколько лет Велго встречает молодого рабочего, страстно влюбляется в него и полностью отдается своим чувствам. Однако когда он бросает ее, она переживает глубочайшее разочарование. Маргиота, младшая сестра, воплощает черты чеховской Ирины. Она мечтательна и идеалистична. Она «мечтала, что, если переехать в другой, больший город, например, в столицу, безрадостная и скучная жизнь может измениться и стать лучше» (с. 26). Маргиота решает изучать историю искусств в университетах Флоренции и Милана, стремясь находиться в местах с высоким

² Μακρή Β. (2015), *Μια νύχτα με τον Τσέχοφ* [Вечер с Чеховым]. Εκδόσεις Ψυχογιός, Αθήνα, σελ. 25. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках. Пер. с греч. мой. – П. О.

³ Интервью с В. Макри, 13.02.2019 // culturepress.gr. URL: <https://culturepress.gr/book/item/25-viktoria-makri-to-ego-na-ginei-emeis.html> (дата обращения: 26.05.2025).

культурным уровнем, считая, что таким образом ее жизнь станет более насыщенной. Анна, принявшая роль Ольги из чеховской пьесы, – чрезвычайно трудолюбивая, замкнутая и одинокая женщина. Когда она встречается своего будущего мужа, она мечтает о тихой семейной жизни, но судьба оказывается к ней безжалостна: ее жених внезапно умирает.

Общие черты произведений проявляются прежде всего в композиционной основе: оба автора выстраивают повествование вокруг трех женских персонажей, связанных родственными узами. И хотя в характерах греческих героинь есть определенное сходство с чеховскими, все же судьбы сестер романа Виктории Макри раскрываются в иных сюжетных обстоятельствах и в соответствии с мировоззренческой установкой греческого автора.

Принципиальные различия касаются прежде всего философской концепции человеческого существования. Чеховские героини пребывают в состоянии перманентного ожидания счастья, которое постоянно откладывается на неопределенное будущее. Их монологи полны экзистенциальных вопросов о смысле бытия, временном и вечном, что отражает характерную для чеховской драматургии тему несовпадения мечты с реальностью [Одесская 2024]. Финал пьесы русского классика остается открытым, подчеркивая трагическую невозможность реализации идеалов.

Совершенно иную концепцию предлагает Виктория Макри. Ее героини, в отличие от вечно тоскующих сестер Чехова, существуют в измерении «здесь и сейчас», решительно отвергая саму возможность отложенного счастья. Каждая героиня находит свой путь в жизни, все они по-своему счастливы. Сама греческая писательница в том же интервью отмечает, что такое решение вполне осознанное, так как она является сторонником позиции, согласно которой герои должны пережить катарсис, а в конце произведения должно наступить освобождение, что соответствует основным положениям греческой трагедии.

Примечательно и отличие в изображении человеческих отношений. У Чехова все персонажи, даже находясь в тесном семейном кругу, остаются глубоко одинокими, их коммуникация наполнена недомолвками. В противоположность этому героини Макри связаны прочными узами не только между собой, но и с другими персонажами. Их продолжительные, откровенные диалоги, где они буквально раскрывают души, создают атмосферу подлинной близости. Персонажи Макри активно взаимодействуют – делятся эмоциями, спорят, любят.

Особенно показательно различие в трактовке любовных отношений. У Чехова любовные истории заканчиваются крахом (измена

Маши, несостоявшееся замужество Ирины), тогда как у Макри любовь становится мощным экзистенциальным прорывом. Через любовь сестры познают себя и саму жизнь.

Важно отметить разницу в хронотопе. Символика произведений строится на контрастных принципах: если у Чехова действие происходит в серой провинциальной и удушливой атмосфере, где даже природа становится символом увядания («птица которая состарилась, дерево которое засохло, аллея деревьев которую вырубят») [Катаев 1989], то у Макри пространство наполнено летним теплом, цветущими равнинами, деревьями с плодами и средиземноморским колоритом. Все вокруг напоминает о бесконечной радости человеческого бытия.

Таким образом, греческая писательница, используя схему чеховской пьесы, наполняет ее совершенно новым философским содержанием. Если Чехов показывает трагедию нереализованных возможностей, то Макри утверждает торжество настоящего над призрачным будущим и возможность обретения счастья.

Структура романа Виктории Макри представляет собой «текст в тексте», поскольку в нем писательница приводит целые отрывки из чеховской пьесы. Одни являются отправными точками для сплетения воспоминаний и рефлексии о собственной жизни и жизни сестер, а другие наводят рассказчицу на размышления и дают ей возможность сделать философские обобщения. Например, когда Маргиота рассказывает о своей сестре Анне, страдавшей от алкоголизма, она цитирует Вершинина: «Я часто думаю: что, если бы начать жизнь снова, притом сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была, как говорится, начерно, другая – начисто! Тогда каждый из нас, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя» (с. 133). Данная цитата является ключевой в романе, поскольку рассказчица относится к ней как к вопросу, на который она призвана ответить, осмыслив всю свою прожитую жизнь: «Каждый раз, когда я слышу диалоги из “Трех сестер”, слова, на которых, пожалуй, больше всего останавливается моя мысль, – это слова подполковника Вершинина. Я часто задаюсь вопросом: если бы у меня была возможность прожить жизнь заново с самого начала, и мне сказали бы: “На этот раз у тебя есть шанс не повторять некоторых ошибок”, чего бы я постаралась избежать?» (с. 133). Рассказчица убеждена, что в каждом слове чеховских героев скрывается доля мудрости, которую она пытается расшифровать, чтобы найти ответы на жизненные вопросы.

Несомненно, этот диалог с классиком подтверждает положение Ю. Лотмана [Лотман 2010, с. 309–331]. Слова Вершинина из чеховской драмы звучат не как простая цитата, а как чужой голос,

«чужое слово», переосмысленное персонажами. Это создает семантическое напряжение: знакомые реплики, помещенные в новый контекст, обретают дополнительные смыслы. Происходит диалог культур – греческая проза вступает в разговор с русской пьесой начала XX в., перекодируя ее текст в современной художественной реальности. Для Виктории Макри чеховские цитаты становятся поводом для глубокой рефлексии: тоска по идеалу трансформируется в размышления о кризисе идентичности современного человека и поиске счастья. При этом узнаваемый культурный код создает эффект многослойности: текст существует одновременно в двух измерениях, обогащаясь аллюзиями и скрытыми параллелями. Таким образом, два художественных мира вступают в диалог, порождая новые интерпретации и подчеркивая вневременную природу чеховских тем.

Здесь особо следует отметить, что рассказчица в романе – не кто иной, как сама автор, как она сама подчеркивала в интервью («...через образ Маргиоты я вступаю в диалог с Чеховым, и это общение приносит мне радость»⁴). Рассказчица выражает глубочайшее желание встретиться с Чеховым в тихом баре и поговорить. В центральной сцене романа ее мечта сбывается: она сидит за одним столом с русским драматургом и делится с ним своими умозаключениями. Чехов предстает как молчаливый мудрый учитель, который сидит напротив и слушает исповедь героини. Характерна обложка книги, где рассказчица-писательница сидит напротив портрета Чехова, написанного Осипом Эммануиловичем Бразом. Чехов в зеленом кресле, Маргиота напротив него в вечернем платье, перед ними два бокала красного вина. Хотя встреча с Чеховым занимает лишь несколько страниц, автор решает дать книге название «Одна ночь с Чеховым». И не случайно: ведь их разговор в конечном счете становится для нее своего рода катарсисом, ведь теперь она открыла для себя суть человеческого существования и делится этим с человеком, который помог ей постичь эту истину. Три сестры Чехова не обрели счастья, к которому стремились, но три сестры Виктории Макри в конце книги счастливы, каждая по-своему.

Желание греческой писательницы встретиться с А.П. Чеховым не случайность или эффектный ход. Скорее всего, это аллюзия на высказывание самого русского писателя, который поделился в письме к Суворину желанием встретиться с немецким философом Ницше: «С таким философом, как Нитче, я хотел бы встретиться где-нибудь в вагоне или на пароходе и проговорить с ним целую ночь»⁵.

⁴ Там же.

⁵ chehov-lit: сайт. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/letters/1895-1897/letter-1533.htm> (дата обращения: 26.05.2025).

Таким образом, роман «Одна ночь с Чеховым» демонстрирует, что великие литературные произведения никогда не устаревают, а продолжают жить, обретая новые смыслы в каждом новом прочтении. Виктория Макри не просто отдает дань уважения классике, но и предлагает собственную интерпретацию его идей, доказывая, что диалог между культурами и поколениями является важнейшим условием развития литературы.

Литература

- Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн, Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Застела 2009 – *Застела К.С.* Интертекстуальность как составляющая художественного текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 110. С. 197–201.
- Катаев 1989 – *Катаев В.Б.* Литературные связи Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1989. 261 с.
- Кристева 1993 – *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4. С. 427–457.
- Лотман 2010 – *Лотман Ю.М.* Чему учатся люди: Статьи и заметки / сост. С. Салупере, П. Тороп. 2-е изд. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010. 416 с.
- Николина 1994 – *Николина Н.А.* Типы и функции интертекста в художественной прозе // Семантика языковых единиц / отв. ред. Е.И. Диброва. Ч. 4. М., 1994. С. 101–109.
- Одесская 2024 – *Одесская М.М.* От «Трех сестер» к «Двум сестрам»: редукция как прием трансформации «чужого» текста в процессе рецепции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 3. С. 60–69.

References

- Bakhtin, M.M. (1986), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creative work], *Iskusstvo*, Moscow, USSR.
- Zastela, K.S. (2009), "Intertextuality as a component of literary text", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 110, pp. 197–201.
- Kataev, V.B. (1989), *Literaturnye svyazi Chekhova* [Chekhov's literary connections], *Izdatel'stvo MGU*, Moscow, USSR.
- Kristeva, J. (1993), "Bakhtin, word, dialogue and the novel", *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 4, pp. 427–457.

- Lotman, Yu.M. (2010), *Chtemu uchatsya lyudi: Stat'i i zametki* [What people learn. Articles and notes], Tsentr knigi VGBIL imeni M.I. Rudomino, Moscow, Russia.
- Nikolina, N.A. (1994), "Types and functions of intertext in literary prose", in Dibrova, E.I., *Semantika yazykovykh edinits* [Semantics of language units], part 4, Moscow, Russia, pp. 101–109.
- Odesskaya, M.M. (2024), "From 'Three Sisters' to 'Two Sisters': reduction as a technique for transforming an 'alien' text in the process of reception", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, pp. 60–69.

Информация об авторе

Panagiotis Organtzis, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; panosorg96@hotmail.com

Information about the author

Panagiotis Organtzis, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; panosorg96@hotmail.com